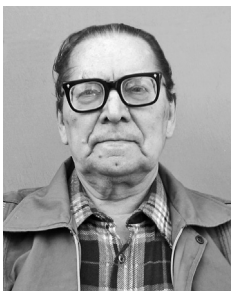

Отношение к духовным ценностям: видимость и реальность

Ю.А. Лукин, доктор философских наук

В целом разделяя основной пафос доклада, хотел бы сделать несколько дополнений и уточнений.

Как известно, в советские годы Программа КПСС содержала в себе «Моральный кодекс строителей коммунизма», переписанный практически слово в слово с Нагорной проповеди. Не буду говорить о практике, но в условиях моноидеологии теоретически моральный кодекс и заповеди сопадали.

Сегодня у нас идеологическое многообразие, плюрализм. И за четыре часа до начала нашего заседания, в полдень 26 апреля 2007 г., Президент России в своем Послании Федеральному Собранию отметил: «Духовное единство народа и объединяющие нас моральные ценности — это такой же фактор развития, как политическая и экономическая стабильность. Убежден, общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные национальные задачи, когда у него есть общая система нравственных ориентиров, когда в стране хранят уважение к родному языку, к самобытным культурным ценностям, к памяти своих предков, к каждой странице нашей отечественной истории»¹.

Кто с этим посылом не согласен. Но... нас в свое время на университетских лекциях по философии учили в любом явлении видеть единство формы и содержания. Что касается слов о «духовном единстве и объединяющих нас моральных ценностях», то это форма, которая признается всеми и

¹ Российская газета. 2007. 27 апр.

в Мраморном зале Кремля, и теми, кто у экранов телевизоров внимал речи Президента.

Однако, когда эта форма наполняется конкретным содержанием, то выясняется, что далеко (и очень далеко) не все понимают его однозначно.

Даже в президиуме столь высокого собрания по одну сторону от Президента сидел лидер «Единой России», по другую — лидер России «справедливой». И в программных их выступлениях, каждый по-своему объяснял, как он наполняет конкретным содержанием «общую систему нравственных ориентиров». А что же говорить о тех, кто сидел в зале, а тем более — о тех, кто находился за его пределами?! И дальнейшие слова об «уважении к самобытным культурным ценностям», к «памяти своих предков», а тем более — к страницам нашей отечественной истории (а все вместе, добавим от себя, и составляет «высшие ценности» нашего общества) совершенно по разному понимают, трактуют и проповедуют «государственники» и «евразийцы», думократы и либералы, А. Ципко и А. Проханов, Б. Немцов и А. Дугин, Е. Драпеко и В. Жириновский. И при этом все они, без исключения, признают «объединяющие нас моральные ценности», православные нравственные ориентиры, любовь к «отеческим гробам». Даже те из депутатов Государственной Думы из фракции КПРФ, которые на предложение Президента почтить вставанием память Первого Президента России Б.Н. Ельцина, скончавшегося накануне, продолжали демонстративно сидеть. Я это говорю к тому, что, если вспомнить формулировку сегодняшнего доклада, то там есть такое словосочетание — «российская ситуация». А она, эта ситуация, такова, что мы не можем останавливаться на признании наличия в наши дни объединяющих христианских, православных «высших ценностей». Останавливаться тем более нельзя, что конечная цель нашего семинара (как я ее понимаю) предложить конкретные концепты, подходы к решению проблемы, управленческие решения, как это сделано, например, в содержательной монографии «Государствен-

ная политика вывода России из демографического кризиса» (М., 2007).

Мне представляется, что сегодняшней доклад это только теоретическая преамбула, за которой должны последовать поиски конкретных путей реализации, (достижения) духовного единства, общих православных нравственных «высших ценностей», которые не только одинаково понимаются, практикуются представителями всех политических партий и общественных движений, но и совместными усилиями претворяются в жизнь.

Второй вопрос: не считает ли докладчик, что мы отличаемся от сторонников западной цивилизации (как за рубежом так и отечественных либералов) тем, что ведем пассивную, оборонительную позицию по отстаиванию, пропаганде православных «высших ценностей»? В то время, как оппоненты ведут себя не только активно, но нередко и агрессивно.

И что мы совершенно недостаточно используем в этом святом деле тот огромный духовный потенциал, который содержит в себе многовековая отечественная культура?

Приведу один-единственный пример. Здесь в одной из реплик по поводу доклада справедливо говорилось, что, например, памятник отечественной литературы XVI в. «Домострой», который все годы советской власти характеризовался как защитник «патриархального быта и деспотической власти главы семьи»¹, в наши дни, спустя пять веков, продолжает служить примером следования православным ориентиром. В этой связи совершенно в другом свете предстает литературное наследие С.Т. Аксакова, Н.С. Лескова, Н.В. Успенского, Т.И. Мельникова (Печерского), которым несправедливо мало внимания уделялось в советское время.

И здесь, в контексте нашей сегодняшней темы — «христианская цивилизация: система основных ценностей» — особого внимания заслуживает обращение к творчеству

¹ Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 411.

выдающегося представителя отечественной культуры (а не только драматургии) — А.Н. Островского.

А.Н. Островского, которого еще совсем недавно в школьных учебниках, преподносили исключительно по-добролюбовски — как обличителя «темного царства», диких, кабаних, в лучшем случае как летописца замоскворецкого купечества. Да что школьные учебники? Вот программа для филологических факультетов государственных университетов «История русской литературы, часть III Литература XIX в. «Здесь читаем: «критика купечества», «критика бюрократической системы», «образы самодуров», разоблачение жизни дворянства, буржуазных дельцов»¹.

В наши дни наследие драматурга предстает в совершенно ином свете.

Как показала в своей обширной иконографии ярославская исследовательница Нина Алексеевна Шалимова «Русский мир А.Н. Островского», «основные понятия христианской культуры находят у Островского свое поэтически-театральное преломление и становятся ведущими образными опорами его художественного мира»². Начиная с «реальной критики» Н. Добролюбова до советского литературо- и театроведения, Островский трактовался исключительно через призму социальности, по «социальной горизонтали», в то время как «духовной вертикали», связи с миром идеального, высших начал бытия, присутствующих во всех сочинениях драматурга, практически игнорировались, недооценивались. Духовная вертикаль Островского, которая как средоточие основных христианских ценностей наиболее явственно просматривается в концентрированном виде в «Прозе», пронизывает все его литературное наследие.

Следует безусловно согласиться с автором в том, что «русский мир представлен Островским как человеческое

¹ История русской литературы. Часть III. Литература XIX в. Программа. М., 1984. С. 21–22.

² Шалимова Н.А. Русский мир А.Н. Островского. Ярославль. 2000. С. 15.

сообщество православных христиан, живущих в единстве веры, обрядности и обычаев»¹. Причем мир (міръ) понимается в старорусском значении слова как весь свет, все люди.

Но именно эта «духовная вертикаль» (и не только Островского) оказалось невостребованной в эпоху застоя на российской сцене (да и в кино) пьес братьев Пресняковых, Коляды, Сорокина, сценографии К. Серебrenникова, Н. Чусовой и им подобных. К сожалению!

Тверь. Путевой дворец.
Художник А.И. Калашников

¹ Шалимова Н.А. Русский мир А.Н. Островского. Ярославль. 2000. С. 16.